

## Андрей Баранов

Поэт и прозаик. Печатался в журналах «Нева», «Дальний Восток», «День и ночь», «Бельские просторы», «Журнал ПОэтов», «Зинзивер», «Дети Ра» и др. Постоянный автор интернет-изданий «Сетевая словесность», «45 параллель», «Топос», «Литература». Автор пяти книг стихов. В 2021 году в электронном виде был опубликован роман «Полет бабочки» (Ridero, 2021), а в 2022-м книга прозы «Средневожские хроники» (Ridero, 2022). Живет и работает в Москве.



## МУЖЧИНА С СОБАКОЙ

(почти по Чехову)

**М**ысли стали простыми и короткими, как собачий лай. Мелькнет одна мысль — гав! Мелькнет вторая мысль — гав! Мелькнет третья мысль — опять гав, а зачем? Как связаны между собой эти гав, гав, гав? Никто об этом даже не задумывается, потому что не осталось больше способности для таких сложных умопостроений.

Сомов не мог смотреть современные сериалы. Его раздражала нарезка эпизодов — каждый эпизод, как короткий собачий «гав», не успеешь всмотреться — появляется другая картинка, и там уже другие лица и другие разговоры, а через минуту и она меняется на следующую, а потом камера возвращается к покинутому несколько минут назад эпизоду и действие продолжается с той точки, на которой оборвалось, чтобы через две минуты опять оборваться.

То же самое происходило с современными научно-популярными фильмами. В детстве Сомов очень любил этот жанр. Даже совсем короткие ленты — минут на пять-семь — успевали донести до него увлекательную научную гипотезу или рассказать интересные факты из жизни экзотических животных. От фильма оставалось ощущение связного сообщения. Теперь же хаотичные кадры перемежались короткими репликами улыбчивых и «своих в доску» парней в бейсболках, молодящихся старичков или некрасивых женщин с избыточным весом, которые за пятнадцать секунд успевали сказать какую-нибудь глупость, а потом камера опять принималась скакать, выхватывая разрозненные и никак не связанные между собой картинки то из глубин океана, то с Северного Полюса, то из пекла пустыни Такла-Макан.

Беспорядочные обрывки мыслей преследовали Сомова повсюду: в телевизоре, на радио, в Интернете. Даже на работе вводные сыпались так часто и так противоречили друг другу, что проще было не делать ничего, чем потом переделывать по сто раз проекты, устаревавшие еще до того, как начались.

Сомов пытался спастись от захлестнувшего его хаоса чтением. Сначала он решил ознакомиться с модными книгами по саморазвитию и личностному росту, в частности, его подкупило слово «осознанность». «Может быть, именно осознанности мне не хватает, чтобы как-то упорядочить этот бессмысленный поток образов и полумыслей?» — подумал он и рьяно принялся за чтение. Но модные переводные книжки быстро разочаровали его: авторы с многозначительным видом повторяли банальности, выдавая их за потрясающие и невиданные открытия. В их поверхностных рассуждениях так же не было ни стройности, ни красоты, как не было их в мелькающих образах рекламных роликов или эстрадных клипов.

От книг по саморазвитию Сомов перешел к художественной литературе. В школе он «проходил» разные художественные произведения, но то ли эти тексты были слишком скучными, то ли с учительницей не повезло — но в душе Сомова они не оставили глубокого следа. После школы жизнь складывалась так, что читать особенно было некогда, да и не тянуло, если честно, и вот теперь — потянуло.

Начал он с современных авторов, но от их книг на него пахнуло той же бестолковщиной, от которой он устал в жизни, поэтому он решил еще раз открыть для себя классику — пробовал читать Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина, Куприна, Шолохова, Шукшина — и с ужасом осознал, что цельные характеры, яркие образы, глубокие мысли этих книг скользят по поверхности его искаленного телевидением и Интернетом сознания; он не мог подолгу сосредоточиться ни на одной странице текста, не мог представить себе портретов героев и картин природы, терял нить авторских размышлений и диалогов — они были слишком сложны и запутанны для него, тем более постоянно что-то отвлекало: то блямкал смартфон очередными оповещениями из мессенджеров или социальных сетей, то жена включала телевизор, и оттуда на него обрушивался бессмысленный и беспорядочный новостной поток, перемежаемый еще более бессмысленным и беспощадным — рекламным; то в голову лезли обрывки эстрадных шлягеров, услышанных им по радио в своей «тойоте» во время стояния в бесконечных пробках, — и все это мешалось в невообразимую кашу с обрывками невнятных невесть откуда всплывших воспоминаний и кусками непереваренного классического текста. Выглядело это примерно так:

«Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой», — читал Сомов в томике Чехова, и прочитанная фраза, словно повернутый тумблер, запускала в мозгу вихрь бессвязных и неуправляемых получувств-полумыслей: а я ведь помню эту набережную... бродили с женой... толпа... море... уличный оркестр... флейта фальшивит... танцуют пары, пары, пары... потом пошли в кафешку... шашлык... коньяк... а коньячок под шашлычок вкусно очень...

«Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына-гимназиста», — читал он дальше. Прямо как у меня... тоже вон и дочка... и сын... правда, один... и сорок вот-вот... дети непонятные... с утра до ночи сидят в гаджетах... музыка идиотская... кем хотят быть — не знают... ничего не волнует... не интересуется... в наше время было по-другому... а впрочем — почему по-другому?.. и мои родители ворчали... учиться не туда пошел... женился не на той... но я хоть знал, чего от жизни

хотел... и чего же, интересно?.. и чего добился?.. а сейчас хочу чего-нибудь?.. или уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть?

Так и тормозил Сомов, переходя от строчки к строчке, не в силах удержать свое внимание на событиях, описанных в книге. Не чтение, а мучение какое-то! Ему вдруг захотелось совсем выключить мысли в своей голове, чтобы там наступила полная тишина, чтобы можно было слышать шум ветра, бульканье дождевых капель в лужах, наблюдать за силуэтами голых деревьев за окном, ни о чем не думать, ничего не помнить, ни о чем не тревожиться. Но телевизор пугал жену кровавыми новостями, дочка на компьютере без наушников смотрела «Великолепный век», а из комнаты сына доносились странные слова какой-то дикой и незнакомой песни, которую и песней-то можно было назвать лишь с большой натяжкой.

«Теперь жена казалась в полтора раза старше его», — остро цепанула фраза из книги. Сомов посмотрел на жену — и действительно, что осталось в ней от той цветущей и жизнерадостной девушки, какой она была пятнадцать лет назад? Она растолстела, раздалась, подурнела. Рядом с мужем, хорошо сохранившимся для своих лет, она действительно казалась почти пожилой женщиной. Случалось, что несведущие приятели принимали супругу Сомова за его мать, тетку или старшую сестру, и Сомов ужасно стыдился этого.

Ничего удивительного, что Сомов, как и герой чеховского рассказа, давно не хранил верность жене. Постоянные интриги с женщинами возникали как-то сами собой. Этому способствовали и глухая неудовлетворенность женой, и легкий, доставшийся по наследству от отца характер — он просто вступал с женщинами в контакт и быстро умел довести дежурный флирт до постели. Отношения чаще всего бывали поверхностными, ни к чему не обязывающими. Случайные пассии легко вписались в хаотическую картину мира Сомова, заняв свое место между обрывками последних новостей, сериалов и музыкальных клипов — без смысла, без цели, без порядка. «Низшая раса», — называл женщин герой чеховского рассказа, и Сомов с ним внутренне соглашался.

Так и катилась бы жизнь куда-то под откос, громыхая всеми своими разболтанными и разладившимися шестеренками, если бы однажды дочка не притащила откуда-то щенка непонятной породы. Щенок был белый, мохнатый и очень потешный. Он смешно скользил лапами по полу, совал всюду свой черный мокрый нос и с удовольствием грыз хозяйские тапки. Дочке надоело возиться со щенком через неделю, сын-школьник готов был шалить со щенком, но от нудных обязанностей по уходу за ним уклонялся, а супруга восприняла животину как лишнюю мороку и по ночам нашептывала мужу на ухо прожекты избавления от непрошеного жильца. Один Сомов, как это ни странно, всей душой прикипел к щенку: его умиляли умные щенячьи глазки-бусинки, его охота за собственным хвостом, даже проказы малыша вызывали в душе не раздражение, а волну необъяснимой щемящей нежности («щенячьей нежности», — шутил он про себя).

Щенок оказался девочкой, и Сомов назвал щенка Нюркой. Никто из обитателей квартиры не возражал, тем более что все, кроме Сомова, потеряли к собаке всякий интерес. Нюрка быстро росла и вскоре из белого пушистого комочка превратилась в достаточно крупную, но при этом изящную длиннолапую даму с острым длинным носом, умными глазами и веселым завитком хвоста. Была в ней какая-то врожденная интеллигентность, непонятно откуда взявшаяся, если иметь в виду туманность ее происхождения. Сомов долго изучал породы белых крупных собак, но так и не понял, на кого Нюрка похожа больше: на акбаша, хоккайдо или белую швейцарскую овчарку. Уши вроде от акбаша, глаза и нос — овчарочки, а вот задорный хвост крючком — точно как у хоккайдо или западно-сибирской лайки.

Сомов не мог нарадоваться на свою питомицу. Он расходовал на нее столько нерастроченной нежности, а она отвечала ему такой беззаветной преданностью и любовью, что о женщинах и думать не хотелось.

Стояла ясная прохладная осень, и они каждый божий день гуляли по аллеям небольшого уютного парка с деревянной церковкой на краю и романтическим прудом посередине, вечерами любовались разноцветием увядающих листьев, подсвеченных

золотистым светом чугунных фонарей, а по утрам радовались бледным лучам неприютного октябрьского солнца. Прогулки с собакой возвращали его к реальной, естественной жизни, такой, какой она раньше была у людей, но в последние десятилетия забылась, потонула в мутном потоке виртуальности.

Рассказ «Дама с собачкой», прочитанный им недавно в черном томике Чехова еще старого советского издания, глубоко запал в сердце Сомова. Бродя по дорожкам парка вслед за своей Нюрой, он часто размышлял об Анне Сергеевне, старался представить себе ее лицо, фигуру, кисейное платье, элегантную шляпку, даже смешного шпица, познакомившего ее с Гуровым. Разумеется, в его фрагментированном сознании эти мысли мешались с домашними заботами, рабочими проблемами, сводками новостей, эпизодами из последнего сериала, но то и дело возвращались к тонкой, слабой шее и красивым серым глазам чеховской героини. «Интересно, а в наше время существуют такие женщины? — думал Сомов. — Или их полностью вытеснили энергичные и бесполое феминистки с непричесанными волосами, в рваных джинсах и громоздких кроссовках?»

Женщина стояла под фонарем и разговаривала с кем-то по телефону. Ее выражение, поза, голос, элегантное пальто песочного цвета, легкая шифоновая косынка на шее вместо шарфа, светлые волосы, задумчивые серые глаза чем-то напомнили Сомову об Анне Сергеевне. Нюрка, обычно спокойно реагирующая на прохожих, почему-то игриво подбежала к женщине, и та, не прекращая разговора, протянула ей свою маленькую узкую ладонь — Нюрка внимательно ее обнюхала, а затем ткнулась мокрым холодным носом.

— Не бойтесь, она не укусит, — привычно пробубнил дежурную фразу Сомов.

— А я и не боюсь, — ответила женщина, а затем в трубку: — Доченька, я тебе через часок перезвоню.

Теплый бархатный голос, горделивая осанка, загадочная полуулыбка на губах. «Я примерно так и представлял себе Анну Сергеевну», — думал Сомов, но одновременно ему казалось, что он уже где-то встречал эту женщину и в реальной жизни.

«Где же я мог ее видеть?» — мучительно напрягал он ресурсы своей памяти.

— Привет, Сомов, как поживаешь? — вдруг обратилась к нему таинственная незнакомка. И Сомов все вспомнил.

Они учились в одном классе десять лет. Почти ежедневно встречались в замкнутом пространстве школы с небольшими перерывами на выходные и каникулы, росли друг у друга на глазах. В младших классах Таня Самойлова была скромной и незаметной девочкой, таких в их детстве называли «тихушницами», и, если честно, Сомов ее почти не замечал. В старших классах она не входила в число записных школьных красавиц, о которых бредили все пацаны, но Сомова приворожили ее загадочная полуулыбка и задумчивый взгляд. Казалось, она хранила в себе какую-то сокровенную тайну, недоступную для других. Сомову хотелось разгадать эту тайну, но он не знал, как подступиться к недотроге.

Их класс не относился к категории «дружных». Выпустившись, одноклассники разлетелись кто куда и потеряли друг друга из вида. На первый вечер встречи пришло еще достаточно много одноклассников, на второй — в два раза меньше, на третий — совсем мало, а с четвертого Сомов и сам перестал посещать эти мероприятия. На десятилетие выпуска он решил все же сходить, но из всего класса на встрече оказалось человек пять, не больше. К двадцатилетию одноклассники как-то подозрительно возбудились. Три самые активные девицы взяли подготовку в свои руки: нашли почти всех через социальные сети, разослали приглашения, напоминали о встрече чуть ли не каждый день, и благодаря их усилиям на юбилей выпуска заявилось почти двадцать человек, Татьяны среди явившихся не было.

С выпускного вечера прошла целая жизнь — университет, женитьба, рождение и воспитание детей, работа в разных фирмах, — и все эти годы Сомов редко вспоминал о Татьяне, поскольку никогда и ничего не связывало их, кроме нескольких заинтересованных взглядов и ощущения тайны, которую Сомов так и не смог тогда разгадать.

Странно устроена человеческая память. Столько всего в ней запрятано, свалено в кучи, покрыто пылью забвения. Необъятность памяти носит в себе каждый человек. Если бы можно было вытащить из хранилищ все наши воспоминания, мы удивились бы, как много всего с нами произошло в течение жизни, а нам-то казалось, что так мало! Бывает, что событие из жизни всплывает во сне, и мы поражаемся, как мы могли его забыть — ведь оно такое важное! Бывает, встретится на улице человек, и, взглядевшись, вы узнаете в нем своего давнишнего знакомого, а вместе с ним к вам возвращаются все бесчисленные истории, с этим человеком связанные, — и как же вы жили столько лет без этого человека, без этих историй? А не встретили бы — и не припомнилось бы ничего, как будто этого не было никогда. С тем, что он когда-нибудь обязательно умрет, Сомов смирился давно, а вот с тем, что вместе с ним погибнет весь бесконечный мир его памяти, он никак не мог смириться и понять — куда же это все денется после его смерти?

Увидев Татьяну, Сомов поразился двум вещам: во-первых, ему показалось, что они никогда не расставались, что виделись только вчера, а до этого — ежедневно в течение многих лет, а во-вторых, что, представляя себе Анну Сергеевну из чеховского рассказа, Сомов невольно нарисовал в своем воображении образ Татьяны, но не такой, какой она была в юности, а такой, какой он увидел ее сейчас — после двадцати лет разлуки. Потрясенный этими двумя открытиями, Сомов несколько секунд смотрел на Татьяну, не отрывая глаз, и даже, как ему самому потом вспоминалось, открыв рот.

— Как поживаешь, Сомов? — спросила Таня, поглаживая Нюрку между ушами, что той явно ужасно нравилось. В больших дымчатых глазах женщины Сомов разглядел огонек неподдельного интереса, при этом тайна, навечно запрятанная в их глубине, никуда не исчезла, она по-прежнему жила там, скрытая от посторонних поверхностных взглядов.

Сомов не знал, что ответить, язык стал большим и шершавым, прирос к небу, в гортани запершило от невесть откуда взявшейся жажды. Хотелось сказать что-то умное и веселое, искреннее



и необычное. Как можно затертыми невыразительными словами разговаривать с такой женщиной? Весь опыт общения с дамами совсем иного пошиба не мог в этот момент помочь ему — Сомов понимал это и потому молчал, продолжая глядеть на одноклассницу во все глаза, узнавая и не узнавая ее, как бы знакомясь с ней заново.

Спасла положение Нюрка, она вдруг вильнула хвостом и лизнула новую знакомую в раскрытую ладонку.

— Нюрка-то влюбилась в тебя! — сказал он наконец, а про себя подумал, что и сам был бы не прочь оказаться на месте Нюрки.

Пошли рядом. Разговорились. Нюрка как ошалелая носилась по кругу, взрывая мощными лапами вороха желто-бурой листвы, то и дело валилась на спину, кувыркалась, балдея от удовольствия, потом вскакивала, встряхивалась и бежала догонять ушедшего далеко вперед хозяина с таинственной незнакомкой рядом, от незнакомки волшебным пахло чем-то волнующим, чем именно, Нюрка отлично понимала своим собачьим умом, но не могла поделиться этим знанием с неразумными людьми.

От Татьяны Сомов узнал, что она уже двадцать лет замужем, имеет взрослую дочь, которая учится в университете, что муж у нее какой-то важный и крайне занятой человек, сама она работает в банке и живет здесь неподалеку, но в этом парке бывает редко, а вот сегодня что-то захотелось подышать воздухом после работы.

— Сомов, последний раз я была в этом парке лет десять назад, когда выгуливала дочку на велосипеде, и в следующий раз собиралась прийти лет через десять с внуком или внучкой, и то, если бог пошлет, и надо же — раз в двадцать лет зашла — и тут же тебя встретила! Бывают же такие совпадения!

— Вероятность случайной встречи двух людей в десятиmillionном городе — один к десяти миллионам, то есть практически нулевая, — вспомнил из теории вероятности Сомов.

— Какой ты скучный Сомов! А чудеса? Ты когда-нибудь слышал о чудесах?

О чудесах он, конечно, слышал, но никогда не верил в их реальность. Плоды позитивистского образования давали о себе знать. В жизни Сомова не было ничего чудесного: окончил школу, поступил в универ, пришло время — женился, родил детей, пахал как проклятый в разных компаниях, купил квартиру в ипотеку, машину в кредит, у родителей на участке вместо скворечника восьмидесятих годов прошлого века, где провел немало летних месяцев своего детства, отстроил просторный щитовой дом, в котором по праздникам и выходным легко помещалась вся их большая семья... Все штатно, привычно, обыденно. Никаких чудес.

Вернувшись домой с прогулки, Сомов никак не мог выбросить Татьяну из головы. В ней было что-то такое, чего не было ни в жене, ни в сотрудницах на работе, ни во всех его прежних подружках — она казалась ему какой-то очень настоящей и в то же время явившейся в наш мир из иного мира, гораздо более интересного, чем наш. «Видимо, наш мир стал настолько ненастоящим, что даже люди не от мира сего кажутся в нем более реальными, чем те, кто каждой клеточкой в нем укоренен», — думал Сомов. Даже себя рядом с Татьяной он ощущал персонажем дурацкой компьютерной игры, тщетно пытающимся наполниться живой плотью и кровью.

Он долго не мог уснуть. На границе яви и сна вдруг отчетливо, до рези в глазах, вспомнился трудовой лагерь в июле последнего школьного лета. После нескольких часов, проведенных под палящим солнцем на прополке свеклы и моркови, старшекласники отрывались на дискотеке под «Любэ», «Ласковый май», «Мираж» и модные западные шлягеры. Он ясно увидел Татьяну, какой она была в семнадцать лет, увидел так же ясно, как только что видел ее сорокалетней. На ней было легкое короткое платье из какой-то воздушной ткани, светло-русые волосы, подстриженные до уровня плеч, были перехвачены надо лбом тонким серебристым ободком, открывая лоб и уши, в правом ухе поблескивала серебряная сережка с голубым камушком, в левом сережки не было.

— Сомов, помоги мне сережку найти, — обратилась она к нему.

— С удовольствием, — откликнулся Сомов.

Они отошли от освещенной танцплощадки и направились к деревенскому пруду, расположенному неподалеку. На берегу пруда просторно раскинули свои шатровые кроны старые плакучие ивы. Летом темнеет поздно, и, хотя солнце уже село, небо еще светилось молочно-белесым светом, достаточным, чтобы разглядеть на песке даже маленькие камушки, но в ракитовых зарослях уже сгустилась чернильная темнота и становилась с каждой минутой все гуще и гуще.

— Еще несколько минут и вообще ничего видно не будет, а мы фонарик не захватили, — посетовал Сомов, — где искать-то?

— Здесь где-то, — как-то безразлично, как будто сережка ее совсем не волновала, ответила Татьяна. От нее исходила таинственная магнетическая сила, которая притягивала и одновременно пугала, — я здесь где-то сидела... и там, — она показала рукой в темноту тальника.

— Там уже не видно ничего, — ответил Сомов, — а здесь еще можно поискать.

Он опустился на четвереньки и стал тщательно обследовать каждый сантиметр пляжа. Татьяна направилась к колышущимся на ветру темным силуэтам ветел. Ее не было долго. Минут десять. Все это время Сомов старательно ползал по пляжу, боясь посмотреть в сторону зарослей. С каждой минутой ему становилось все очевиднее, что его позвали сюда совсем не для того, чтобы искать сережку. А для чего? Кажется, он догадывался — и от этого в груди перехватывало дыхание, а ладони начинали отчаянно потеть. «Нужно что-то делать! Нужно что-то делать!» — понукал он сам себя, но не знал, что нужно делать, как к этому приступить и как не показаться при этом смешным и жалким. А темнота тем временем наваливалась на них со скоростью курьерского поезда. Еще минута — и поиски станут бессмысленными! Сомов в бессилии сел на песок и вытер предплечьем пот, почему-то обильно выступивший на лбу. От черного массива верб отделилась изящная фигурка в светлом коротком платьице — это была Татьяна. Сомов поднялся навстречу. Девушка подошла вплотную и заглянула в глаза странным, каким-то потемневшим взглядом. Сомова поразил этот никогда не виданный им прежде взгляд, даже стало немного не по себе.

— Ты чего там так долго делала? — спросил он, чтобы скрыть неловкость.

— Сережку искала, — ответила она, не отрывая глаз от его лица.

— Ну и как? Нашла?

— Нашла, — она наконец отвела взгляд, встряхнула головой, как будто сбрасывая с себя наваждение, и зашагала на звуки музыки к электрическому зареву танцевальной площадки.

Сомов поплелся вслед за ней, чувствуя, что упустил какую-то уникальную возможность, которая никогда уже в его жизни не повторится. Чуда не случилось.

Воспоминание было таким ярким и реалистичным, что Сомов удивился, как он мог все это позабыть. Он долго лежал неподвижно, тараща усталые глаза в бездонную темноту, и не заметил, как уснул.

Снился ему удивительный сон, редкий сон, когда время ночных часов растягивается до бесконечности, и кажется, что проходят целые годы. Во сне у него была совсем другая работа, захватывающая и интересная, а не тупая и рутинная, как сегодня; он жил совсем в другой квартире, которую с восторгом осматривал во сне и поражался тому, какие светлые и необозримые пространства в ней открываются и как там все устроено ладно и красиво; и дети были какие-то другие — не его раздолбаи и лоботрясы, а какие-то вполне приличные дети. А женой в этом сне была Танюшка Самойлова, и он был невероятно счастлив, счастлив настолько, что сердце пело в груди, а проснувшись, он долго лежал в ощущении полного и абсолютного счастья, которое не оставляло его весь рабочий день. Это чувство сохранилось и к вечеру, когда он отправился гулять в парк с Нюркой, почему-то уверенный на все сто, что снова встретит Татьяну.

Но Татьяну он не встретил ни в этот вечер, ни на следующий, ни во все последующие вечера вплоть до самого конца зимы. Нюрка по-прежнему радовалась осенним листьям, а потом первому снегу, а потом глубоким январским снегам, в которых она любила кувыраться и носиться, проваливаясь по грудь. «Какой

я дурак, — ругал себя Сомов, — ни телефона не взял, ни адреса не расспросил толком, ни даже фамилии новой не выяснил — как я теперь ее найду?» Сомову почему-то казалось, что найти ее надо непременно, что от этого зависит что-то важное, настолько важное, что непонятно, как без этого можно дальше жить. Методично, дом за домом, обходил он вместе с Нюркой все близлежащие районы, надеясь, что если его слабое зрение не высмотрит Татьяну в толпе горожан, то хотя бы Нюрка своим собачьим нюхом учует понравившуюся ей незнакомку и бросится навстречу, как тогда в парке, виляя хвостом и тыкаясь носом в протянутую ладонь. Жена ругалась, что Сомов стал слишком долго гулять с собакой по вечерам, а он оправдывался, мол, взрослой собаке нужны длительные прогулки для здоровья — и продолжал свои поиски.

Его хаотичная картина мира, состоящая из ненужных знаний, смутных принципов, диких суеверий, кричащих новостей, модных шлягеров, дурацких сериалов, туманных воспоминаний, неосознанных потребностей, вдруг выстроилась вокруг единого центра, превратившись из хаоса в стройную многоцветную мозаику, и центром этой мозаики стала Татьяна. Он вспоминал ее и думал о ней в любую свободную минутку — и его мозг, защищенный ее светлым образом, как щитом, пропускал мимо себя мутный поток ненужной информации, льющийся на него из всех гаджетов и устройств.

Появилась она так же неожиданно, как и пропала, в самом конце зимы. Он заметил ее издали — одинокую женскую фигуру в короткой шубке под тем же фонарем, где они встретились осенью. В свете фонаря кружились, переливаясь, снежинки. До женщины оставалось еще шагов двести, но по тому, как радостно забило сердце, Сомов понял — это она. Нюрка тоже почувствовала знакомый запах, рванула навстречу по заснеженной аллее и, подбежав, принялась ластиться и вилять хвостом. Татьяна в ответ гладила Нюрку между ушами, но как будто не замечала ее. Подошел Сомов.

— Привет, а я уже думал — ты никогда больше не появишься, — сказал он.

Татьяна ничего не ответила, и, продолжая ласкать собаку, смотрела на него долгим испытующим взглядом. Сомову был знаком этот взгляд. Он уже видел его однажды: тем летним вечером в трудовом лагере, двадцать лет назад. Не говоря больше ни слова, он крепко прижал женщину к себе, пахнуло тонким ароматом духов и морозным мехом, ее агатовые глаза сначала широко распахнулись, а потом блаженно закрылись — их губы наконец встретились.

— Это какое-то наваждение, — сказала она, когда, утомившись от поцелуев, они вновь обрели дар речи, — все эти месяцы я гнала тебя из своей головы, а ты никуда не хотел уходить. Со мной никогда такого раньше не было.

— Я искал тебя по всей округе, каждый вечер, вдвоем с Нюркой, но Москва — слишком большой город, чтобы два раза подряд случайно встретить на улице одного и того же человека.

— Сомов, все это ужасно неправильно! Наверное, у нас просто кризис сорока?

— Наверное. Давай попробуем справиться с ним вместе! — и они снова прильнули друг к другу.

Снег тихо падал, с каждой минутой усиливаясь.

После сырой и грязной весны наступило капризное московское лето. Робкое северное солнце изредка баловало москвичей знойными деньками, чаще небо затягивала кисея из облаков, а порой приходили угрюмые тучи и принимались поливать дома, парки, машины и зазевавшихся прохожих из своих небесных шлангов. Нюрка любила лето даже больше, чем осень и зиму. Летом повсюду было столько восхитительных и неуловимых для людей запахов! По-особому пахла каждая травинка, каждый цветочек, каждая бабочка и стрекоза — а их было несчетное количество! Таинственные будоражащие запахи доносились даже из-под земли — и Нюрка принималась с сумасшедшей энергией скрести землю своими сильными лапами, чтобы докопаться до этого интересного. Но больше всего Нюрке нравился запах той удивительной женщины, которая теперь иногда сопровождала хозяина в их ежедневных прогулках — от нее пахло жасмином, медом и молоком! Иногда к этому восхитительному запаху

добавлялись сдержанные нотки тонких духов. Нюрка не любила косметику — от нее в носу неприятно свербило, — но только не от духов женщины. Почти всегда из женской сумочки пахло вкуснятиной, и точно — женщина доставала оттуда какие-нибудь собачьи деликатесы и принималась угощать Нюрку, а та в благодарность подавала ей лапу, сидела, лежала и лаяла — чего только не сделаешь для этих смешных людей, чтобы их порадовать!

Хозяин с женщиной любили сидеть на скамейке у пруда, а Нюрка ложилась под скамейку и сквозь накатывающую дрему следила за хлопотливыми утками и смешными утятами, спешащими куда-то вслед за своими мамами по зеркальной поверхности воды. В пруду отражалось бездонное небо с фрегатами облаков, белоствольные березы на другом берегу, кварталы высотных домов за ними. Хозяин с женщиной о чем-то без конца разговаривали (и о чем только люди могут говорить так бесконечно долго?), и Нюрка незаметно засыпала.

Часто женщина не появлялась по целым неделям, и Нюрка грустила по ней. Она с удивлением и недовольством смотрела на своего хозяина, как бы спрашивая его: «А где твоя женщина, хозяин? Почему ты не с ней?» Хозяин в такие дни тоже бывал рассеянным и грустным, смотрел внутрь себя, ничего не замечая вокруг.

Иногда он возвращался домой с работы или из гостей — и от него остро пахло запахом той женщины. Нюрка обнюхивала его и заглядывала в глаза, пытаясь понять, почему запах есть, а женщины рядом нет, но Сомов теребил ей загривок и отодвигал в сторону, чтобы она не мешала проходу.

Нюрка не обижалась на него — вообще она очень многое прощала своему хозяину.

— А ведь я любила тебя, Сомов, — тихо говорила Татьяна, как будто рассказывала какую-то старинную романтическую повесть о несчастной любви, — мне всегда хотелось, чтобы ты подошел ко мне, сел со мной за одну парту, но в школе ты меня совсем не замечал.

За окном гостиничного номера шел первый ноябрьский снег. Крупные хлопья падали строго вертикально, заштриховывая

серый урбанистический пейзаж торжественной белизной. Сомов следил за полетом снежинок и был абсолютно счастлив. За те несколько месяцев, что они встречались с Татьяной, он словно вернулся обратно в свою юность, снова почувствовал себя молодым и влюбленным, как будто вся жизнь у него еще впереди. Его не оставляла убежденность, что судьба дает ему второй шанс, и уж на этот раз он его точно не упустит!

— Я очень даже тебя замечал, — уже в который раз подхватывал Сомов не надоедающую ему тему, — но боялся к тебе подойти.

— Что, я была такая страшная?

— Наоборот, слишком красивая и загадочная.

— Понятно, а теперь я стала уродливой и понятной — и ты наконец-то решился!

Сомов опять уже в который раз засмеялся их любимой шутке и прижал женщину к себе. Тело Татьяны все еще было на удивление молодым и влекущим, кожа плотной и атласной на ощупь, на лице — ни одной морщинки. Сомов не переставал этому восхищаться, тем более на контрасте с женой, которая давно не вызывала в нем никакого мужского желания.

— Ты стала еще красивее и загадочнее, — в сотысячный раз, но все с той же искренностью прошептал он, но Татьяна почему-то погрустнела.

— Нет, Сомов, мы не молодеем, — вздохнув, сказала она, и это был новый, неожиданный поворот темы, раньше она так никогда не говорила — скоро мы станем совсем старыми, наши свадьбы давно сыграны, дети уже в том возрасте, в каком мы сами были, когда... когда все могло сложиться иначе. Но тогда мы замешкались, а теперь наш поезд ушел. Глупо в сорок лет начинать жизнь с чистого листа.

Сомов слушал Татьянины слова и внутренне соглашался с ними. Он и сам не мог представить себе, как сможет жить без детей, пусть и вредных, и противных, но это же его дети! Да и с женой их так много связывает! Как она будет без него? И все-таки не хотелось думать о грустном. Казалось, несмотря ни на что, впереди их все еще ждет что-то радостное и светлое. Что-то такое, чего не бывало никогда ни у кого из людей на всем белом свете, а у них будет! Они станут первопроходцами.



Успокоив себя такими мыслями, Сомов положил голову на Татьянин живот и снова принялся смотреть на медлительный снегопад за окном.

— Милый мой, милый мальчик, — нежно заговорила Таня. Что-то в ее голосе насторожило Сомова. Он поднял голову и посмотрел ей в лицо. В больших пепельно-серых глазах женщины стояли слезы.

— Почему ты плачешь? — удивился он.

— Мой милый мальчик, как же нам дальше жить? — тихо прошептала она, и крупная капля, сорвавшись с ресниц, покати-лась вниз по щеке.

— Не плачь, пожалуйста, не плачь... — Сомов приподнялся, взял Танину голову в ладони и стал покрывать ее лицо поцелу-ями. Лицо было влажным и соленым. — Не плачь, милая, мы что-нибудь придумаем, обязательно придумаем!

Сомов гладил ее по волосам, целовал губы, щеки, глаза и сам верил в то, что, кроме разрушения их семей или неизбежного рас-ставания, есть еще какой-то третий выход. Непременно должен быть. Странно, что этого выхода не нашли тысячи поколений лю-дей до них. Но они-то его обязательно найдут, непременно! Разве может быть иначе?